

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-222-238

EDN: TFXJOV

Научная статья / Research article

Ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в Европе в конце XIX в.

Д.Е. Гришина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Российская Федерация

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва,
Российская Федерация

✉ degrishina@hse.ru

Аннотация. Открытие Кореи (государства Чосон) для дипломатии в конце XIX в. не только оказало значительное влияние на геополитическую расстановку сил в регионе Северо-Восточной Азии, но и во многом определило дальнейшую судьбу Корейского полуострова. Особенно важную роль в региональном соперничестве конца XIX — начала XX в. сыграли непосредственные соседи Чосон: Китай, Япония и Российская империя. Первые две державы имели многовековую историю традиционных дипломатических коммуникаций с Чосон и государствами, предшествовавшими ему. Однако, Российская империя, расширившая свои территории на Дальнем Востоке в середине XIX в., являлась новой силой в регионе. Ее линия дипломатии следовала не синоцентричным, а западным стандартам. Именно эта уникальная позиция Российской империи обусловила ее ключевую роль для государства Чосон в создании его дипломатического представительства в Европе. В исследовании рассмотрены несколько попыток правительства Чосон создать свое постоянное дипломатическое представительство в Европе (со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге), предпринятые в середине 80-х — конце 90-х гг. XIX в. Эти эпизоды истории корейской дипломатии и, в значительной степени, русско-корейских отношений до сих пор мало изучены. Кроме этого, проанализированы причины неудач инициатив корейского правительства в контексте внешнеполитической ситуации того времени. Сделан вывод о том, что, несмотря на отрицательный результат, эти ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в России (и Европе) оказали значительное влияние не только на динамику внутривосточных процессов на Корейском полуострове, но на и баланс сил, окружавший его в конце XIX в.

© Гришина Д.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Чосон, Российская империя, русско-корейские отношения, дипломатия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 20.01.2025.

Для цитирования: Гришина Д.Е. Ранние попытки создания корейского дипломатического представительства в Европе в конце XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 222–238. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-222-238>

Early attempts to establish Korean diplomatic representation in Europe in the late 19th century

Daria E. Grishina

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*

State Academic University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ degrishina@hse.ru

Abstract. The opening of Korea (Chosŏn) for modern diplomacy in the late XIX century not only had a significant impact on the geopolitical balance of power in the Northeast Asian region, but also largely determined the future of the Korean Peninsula. Chosŏn's immediate neighbors, China, Japan, and the Russian Empire, played a particularly important role in the regional rivalry surrounding the Korean peninsula in the late XIX and early XX centuries. First two powers had a long history of traditional diplomatic communications with Chosŏn and the states that preceded it. However, the Russian Empire, which expanded its territory in the Far East in the mid-19th century, was a new force in the region. Its diplomatic line followed Western, rather than Sinocentric, standards. It was precisely this unique position of the Russian Empire that determined its key role for Korea in establishing its diplomatic representation in Europe. This study describes several attempts by the Chosŏn government to establish its permanent diplomatic representation in Europe (headquartered in St. Petersburg) in the mid-1880s to late 1890s. These episodes in the history of Russian-Korean relations still remain poorly understood. The author focuses on the balance of power surrounding the Korean Peninsula during these events and analyzes the reasons for the failure of mentioned Korean government's initiatives in the context of the geopolitical situation of that time. Despite the negative outcome, these early attempts to establish a Korean diplomatic representation in Europe (and Russia) had a significant impact not only on the dynamics of domestic political processes in Chosŏn, but also on the balance of power surrounding it at the end of the XIX century.

Keywords: Chosŏn, Russian Empire, Russian-Korean relations, Diplomacy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 11.11.2024. Accepted: 20.01.2025.

For citation: Grishina DE. Early Attempts to Establish Korean Diplomatic Representation in Europe in the Late 19th Century. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):222–238. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-222-238>

Введение

Прибытие корейского сановника Ли Бомчжина¹ в Санкт-Петербург в начале 1900 г. ознаменовало начало дипломатического представительства интересов Корейской империи (до 1897 г. — государства Чосон) на территории Европы, и особенно, в России. Ли сыграл важную роль в сближении двух стран в первой половине XX в.², однако его назначение на должность дипломатического посланника в России, Франции и Австрии в апреле 1899 г.³, было далеко не первой попыткой Кочжона⁴, корейского правителя, организовать дипломатическое представительство своего государства в странах Европы, для которого миссия в Санкт-Петербурге являлась бы своеобразным форпостом.

Эти попытки, предпринятые корейским правительством в середине 80-х — конце 90-х гг. XIX в., во многом отражали изменяющуюся геополитическую ситуацию в Северо-Восточной Азии⁵. **Цель исследования** — описать их и проанализировать причины неудач инициатив Корейского правительства в контексте геополитической ситуации того времени, выраженной в действиях восточных и западных держав и их представителей на территории государства Чосон. Перед автором стоит задача изучить как дипломатическое соперничество стран в Северо-Восточной Азии повлияло на внешнеполитический курс корейского правительства.

Первая попытка создания дипломатического представительства Чосон в Европе: вторая половина 1880-х гг.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась появлением нового геополитического игрока в Северо-Восточной Азии — Российской Империи⁶, еще более пошатнувшей традиционный синоцентричный дипломатический порядок в регионе.

¹ Ли Бомчжин (이범진 / 李範晉, 1852–1911) — политик и дипломат, доверенное лицо Кочжона и первый дипломатический посланник Корейской империи в России.

² Подробнее см.: Корейская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900–1911 гг. (Деятельность ч. п. п. м. Ли Бомчжина) : избранные материалы / авт.-сост. С.О. Курбанов. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. 239 с.

³ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13603015_003 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Кочжон (고종 / 高宗, 1852–1919) — 26-й правитель государства Чосон, с 1897 г. — 1-й император Корейской империи.

⁵ С открытием региона для международной дипломатии и торговли западными неокOLONIALными державами, традиционная синоцентричная система дипломатических отношений была нарушена, обострив региональное соперничество.

⁶ Благодаря двум соглашениям с Китаем, 1858 и 1860 гг., Российская империя приобрела значительные территории на Дальнем Востоке и вышла на северные границы государства Чосон.

Стремясь упрочить свои региональные позиции⁷, в середине 1870 — начале 1880-х гг. российское правительство искало стратегических сближений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности с государством Чосон, которое под управлением молодого амбициозного правителя Кочжона в первой половине 1880-х гг. вступило на путь проактивной и диверсифицированной дипломатии⁸. В результате совместных усилий в 1884 г. был подписан Российско-Корейский договор, ознаменовавший установление официальных отношений между двумя странами.

Середина 1880-х гг. отмечена двумя попытками тайного сближения двух правительств: летом-осенью 1884 г. и весной-летом 1885 г. [1. С. 144–155]⁹. Однако, когда обе эти попытки, в силу прямого и опосредованного влияния со стороны империи Цин,¹⁰ завершились неудачей, опасаясь дальнейшего усиления влияния Китая на внутри- и внешнеполитический курс своего государства, правитель Кочжон решил обратиться к методам официальной дипломатии, тем более, что договоры с Японией и западными державами, заключенные Чосон в конце 1870-х — начале 1880-х гг. (некоторые из них,

⁷ Российская империя являлась единственной западной державой, владевшей территориями в Северо-восточной Азии не на правах колонии или временного владения. Это обусловило региональную стратегическую важность российского дипломатического курса в конце XIX — начале XX в.

⁸ В своей декламации от 16 сентября 1882 г., Кочжон заявил о стремлении заключить договора со множеством Европейских государств, включая Англию и Германию, причем с позиции равноправия. 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_11908005_005 (дата обращения: 21.01.2025).

⁹ В лето-осенью 1884 г., на фоне франко-китайского соперничества во Вьетнаме, примерно половина китайского военного контингента, расквартированного на Корейском полуострове с 1882 г., была передислоцирована. Опасаясь возможных угроз территориальной целостности своего государства, в августе-сентябре того же года Кочжон тайно связался российскими военными в Китае — полковником Николаем Шнеуром и адмиралом Александром Кроуном, запросив через них стратегической военной поддержки с целью нейтрализации Чосон под тройственными гарантиями Китая, Японии и Российской империи. В середине мая 1885 г., на фоне аннексии корейских островов Комундо британским флотом, сотрудник Российского посольства в Токио, Алексей Шпейер был направлен в Сеул с полуофициальной миссией, одной из целей которой было подтверждение желания корейского правительства пригласить российских военных инструкторов для обучения армии.

¹⁰ Активизация и диверсификация дипломатических контактов государства Чосон осложнила его отношения с давним сюзереном — Империей Цин. На фоне снижения регионально-авторитета Китая и расширения российских границ на Дальнем Востоке в середине-конце XIX в., цинское правительство стремилось сохранить Корейский полуостров в ареале своего непосредственного влияния, для чего, с начала 1880 гг. предпринимались попытки ограничить или даже саботировать российско-корейские контакты. Российская сторона отказалась от сближения с Чосон осенью 1884 г., опасаясь испортить отношения с Китаем. Летом 1885 г. давление со стороны Великобритании — в тот момент стратегического союзника Китая, — пообещавшей освободить Комундо, если Кочжон откажется от сближения с русскими, поставило крест на второй попытке сближения России и Чосон.

например договор с США 1882 г., — при прямом посредничестве Китая), предоставляли Корею право прямого дипломатического представительства.

Несмотря на болезненный опыт попытки государственного переворота года Капсин¹¹, именно Япония была выбрана в качестве первой трактатной державы, где должно было быть создано дипломатическое представительство Чосон. Это решение было во многом продиктовано текущей международной обстановкой: на фоне провала тайных попыток сближения позиции Российской империи на Корейском полуострове были ослаблены. В отсутствие другого регионального геополитического союзника, достаточно сильного, чтобы не попасть под влияние Китая, который, как ожидал Кочжон, попытается саботировать создание дипломатических представительств Чосон в трактатных державах, Япония, даже несмотря на антияпонские настроения, распространенные среди корейских граждан, была единственной подходящей площадкой: в Токио располагались дипломатические представительства всех западных государств, активных в регионе, что представлялось удобным для дипломатических обменов. 5 марта 1886 г. Кочжон объявил о своем решении создать дипломатическое представительство Чосон в Токио¹². Однако, под давлением про-цински настроенных элит отправка посланника несколько раз откладывалась, в результате назначенный правителем сановник так и не приступил к исполнению своих обязанностей в японской столице [2. С. 287–288]¹³.

В попытке преодолеть сопротивление и заручиться иностранной поддержкой, в августе того же года Кочжон попробовал тайно сблизиться с Российской Империей в третий раз. Пятого августа Мин Ёнъик¹⁴, близкий родственник королевы, влиятельный сановник и доверенное лицо Кочжона, навестил российского посланника в Сеуле Карла Вебера¹⁵ и передал ему устную просьбу правителя о помощи в укреплении независимости Чосон¹⁶. Девятого августа в здание русской миссии в Сеуле было доставлено письмо

¹¹ Попытка государственного переворота года Капсин (4–6 декабря 1884 г.) — неудачная попытка переворота, инициированная радикально настроенными либералами при активном содействии Японского полномочного посланника в Сеуле.

¹² 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_12301030_002 (дата обращения: 21.01.2025).

¹³ На должность дипломатического представителя был назначен Ли Хонёнъ (이헌영 / 李鏞永, 1837–1907), однако его вступление в должность постоянно откладывалось, пока 3 июля 1886 г. не было объявлено, что Ли Хонёнъ заболел и вовсе не сможет приступить к своим новым обязанностям.

¹⁴ Мин Ёнъик (민영익 / 閔泳翊, 1860–1914) был влиятельным дипломатом и политиком конца девятнадцатого века. С 1882 г. он поддерживал тесные отношения с правителем Чосон, став его доверенным лицом. Часто участвовал в неофициальных инициативах Кочжона.

¹⁵ Карл Иванович Вебер (1841–1910) был дипломатом Российской империи, с 1884 по 1897 г. служил российским дипломатическим посланником в Чосон. В этом качестве Вебер во многом способствовал укреплению влияния Российской империи на Корейском полуострове.

¹⁶ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, K1, Дело № 36, лист 109.

с просьбой об установлении временного российского военного протектората над Чосон за подписью Кочжона¹⁷. Однако, о действиях корейского правителя довольно быстро стало известно китайскому посланнику в Сеуле, Юань Шикаю¹⁸, под давлением и угрозами которого¹⁹ Кочжону в третий раз пришлось отказаться от сближения с русскими [3. С. 151].

Тем не менее от идеи создания дипломатических представительств Чосон в трактатных державах правитель не отказался. Даже наоборот: настойчивые попытки Юань Шикая диктовать свою волю лишь упрочили желание Кочжона создать постоянную дипломатическую репрезентацию своего государства, в-первую очередь, в США и странах Европы. Можно предположить, что этот план был продиктован стремлением закрепить независимый статус Кореи на международном уровне: все договоры, заключенные Чосон с государствами вне Азиатско-Тихоокеанского региона, следуя нормам западного международного права, подтверждали независимость и субъектность Кореи.

Свой очередной виток эта инициатива получила летом 1887 г. В середине июня уже упоминавшийся выше сановник Мин Ёнъик сообщил американскому и российскому дипломатическим посланникам в Сеуле о желании правителя направить своих представителей в трактатные державы — как в США, так и в европейские государства [4. С. 100]²⁰. При этом на место дипломатического представителя Чосон во Владивостоке²¹ Мин Ёнъик предложил себя, о чем еще в начале лета 1887 г. открыто заявил советнику российского представительства в Чифу, Алексею Старцеву^{22, 23}. Очевидно, что действия

¹⁷ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 117.

¹⁸ Юань Шикай (袁世凱, 1859–1916) был китайским военным чиновником и дипломатом. Юань впервые прибыл в Чосон в 1882 г. в качестве командующего китайским военным контингентом; в 1885 г. он был назначен императорским резидентом в Сеуле и занимал этот пост до 1895 г.

¹⁹ Юань Шикай пригрозил, что вскоре по его призыву в Чосон будут отправлены 75 000 китайских солдат.

²⁰ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 332.

²¹ Можно предположить, что стремление корейского правительства к дипломатической репрезентации во Владивостоке связано с проблемой корейской миграции в этот регион. Начиная с 60-х гг. XIX в., на фоне сложной экономической ситуации в государстве Чосон, корейские крестьяне начали мигрировать на территорию российского Дальнего Востока. В то время как российское правительство благосклонно относилось к корейским мигрантам, правительство Чосон стремилось к их репатриации.

²² Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 326.

²³ Алексей Дмитриевич Старцев (1838–1900) — русский купец, промышленник, чья коммерческая деятельность была сосредоточена в Китае, советник и переводчик при российской дипломатической миссии в Китае.

Мина — его консультации с дипломатическими представителями западных держав — ставили своей целью заручиться их поддержкой на случай давления со стороны Китая.

На фоне положительной реакции американского и российского правительств^{24, 25} 6 июля 1887 г. Кочжон заявил о срочной необходимости создания постоянных дипломатических представительств в трактатных державах, но начать предпочел все же с Японии^{26, 27}. 16 августа назначенные корейским правителем полномочные дипломатические посланники прибыли в Токио [2. С. 293]. Создание постоянного дипломатического представительства в японской столице не вызвало не то, что критики, но хоть сколько-нибудь заметной реакции не только со стороны центрального китайского правительства, но и со стороны китайского представителя в Сеуле.

Окрыленный этим безусловным дипломатическим успехом 18 августа Кочжон назначил полномочного посланника в США, а также утвердил кандидатуру Сим Санъхака²⁸ в качестве постоянного посланника Чосон в пяти европейских странах — Англии, Германии, России, Италии и Франции²⁹. Ожидалось, что назначенные сановники покинут Корейский полуостров для исполнения своих обязанностей в середине сентября [4. С. 90]. Однако на этот раз действия корейского правителя вызвали публичные протесты Юань Шикая. Уже 20 августа китайский посланник доложил своему начальству о своевольных действиях Кочжона [5. С. 352]. Давление на корейского правителя достигло своей кульминации в конце сентября, когда китайские военные предположительно с применением силы воспрепятствовали отправке корейского дипломатического посланника в США [6. С. 433].

В попытке преодолеть давление китайской стороны 30 сентября Кочжон обратился за помощью к главам американского и российского

²⁴ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 1, К1, Дело № 36, лист 332.

²⁵ Карл Вебер даже предоставил Мин Ёнъику проход до Чифу на русском корабле «в доказательство ... сочувствия в этом (в намерении Короля назначить посланника в Россию и другие страны)».

²⁶ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_12405016_002 (дата обращения: 21.01.2025).

²⁷ Можно предположить, что на фоне японо-китайского соглашения в отношении Чосон, заключенного в апреле 1885 г., корейский правитель предполагал, что у цинского правительства не будет достаточного предлога, чтобы открыто воспрепятствовать созданию дипломатического представительства Чосон в Токио. Последнее должно было создать прецедент.

²⁸ Сим Санъхак (심상학 / 沈相學, 1830/1845–1890) был политиком и дипломатом в Чосон в конце XIX в.

²⁹ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: http://sillok.history.go.kr/id/kza_12406029_001 (дата обращения: 21.01.2025).

дипломатических представительств в Сеуле [7. С. 517]. Американский дипломат предложил немедленно отправить членов корейских посольств в Европу и Вашингтон, несмотря на протесты китайской стороны, однако Карл Вебер настоял на том, чтобы запросить инструкции в американском и российском министерствах иностранных дел, пояснив, что одного факта получения инструкций, какими бы они ни были, будет достаточно, чтобы запугать китайцев [7. С. 517]. Однако, когда инструкции были получены, стало очевидно, что стремясь защитить свои геополитические и торговые интересы в регионе, российское и американское правительства не были готовы идти на обострение отношений с Китаем: американскому дипломатическому посланнику в Пекине было приказано выразить «удивление и сожаление» по поводу вмешательства китайского правительства в корейско-американские отношения [6. С. 436], Веберу же, судя по всему запретили принимать какое-либо, официальное или полуофициальное, участие в отправке корейского посланника в Европу³⁰.

Тем не менее к середине октября 1887 г. в результате активной коммуникации Кочжона с китайским императором принципиальное согласие китайской стороны на отправку корейских постоянных посланников в страны запада было получено. В ответ китайское правительство обязывало чосонских дипломатов следовать специально разработанным правилам поведения. Так, согласно этим инструкциям, корейским дипломатическим представителям предписывалось представляться в министерстве иностранных дел страны прохождения службы через китайского посланника, во время приемов и других официальных событий занимать место ниже (далее) китайского посланника и всегда консультироваться с китайским посланником, прежде чем предпринимать какие-либо действия [6. С. 441–442]. Корреспонденция с этими правилами была получена в Сеуле 9 ноября [4. С. 94], но, проявив настойчивость и, очевидно, намереваясь сохранить фактические дипломатические функции своих эмиссаров, 12 ноября Кочжон вручил верительные грамоты своему посланнику в США, не сообщив ему о полученных из Пекина инструкциях [4. С. 94]. На следующий день корейский дипломат благополучно покинул Чосон и направился в Вашингтон.

О своевольстве корейского правителя довольно быстро стало известно, поэтому Кочжон торопился с отправкой последней делегации дипломатов в Европу. Однако Сим Санъхак, похоже, поддался давлению со стороны

³⁰ Можно предположить, что отсутствие поддержки со стороны российского правительства было вызвано не только его стремлением к сохранению отношений с Китаем, но и позицией российского посланника в Сеуле, Карла Вебера, чье влияние в корейской столице было ослаблено слухами об его скорой отставке из-за своевольных действий в августе 1887 г. (Вебер предоставил Мин Ёнъику корабль до Чифу, не согласовав это решение со своим руководством) [8. С. 690].

китайского посланника в Сеуле, отчего 13 ноября 1887 г. его спешно сняли с должности дипломатического представителя, заменив на Чо Синхви^{31, 32}. В середине ноября делегация корейских сановников, командированных в Европу, покинула Корейский полуостров. Однако Чо Синхви и его коллегам пришлось пожинать плоды своеволия корейского правителя: достигнув Гонконга в конце 1887 г., группа под давлением китайских сановников была лишена возможности продолжить свой путь. В начале января 1888 г., стремясь обеспечить беспрепятственный проход своих сановников, Кочжон предпринял попытку нивелировать недовольство Цин, приказав корейским дипломатам соблюдать правила поведения, составленные китайским правительством [6. С. 249–250]. Тем не менее, даже после этого, очевидно запуганные, члены корейской дипломатической миссии так и не проследовали в Европу. Чо Синхви, объяснивший свою неспособность выполнить приказ правителя и занять пост в Европе «чувством болезни», вернулся в Чосон только в середине февраля 1890 г., проведя почти два года в добровольном изгнании в Гонконге. За непослушание Кочжон отправил его в ссылку, из которой его, впрочем, довольно быстро вернули³³.

События лета-осени 1887 г. ознаменовались успешным созданием корейских дипломатических представительств в Японии и США, однако попытка отправки постоянных посланников в Европу оказалась неудачной. Можно сделать вывод о том, что на провал инициативы по созданию корейского дипломатического представительства в Европе со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге повлияли стремление Китая не допустить русско-корейского сближения, а также неготовность российского правительства портить недавно нормализованные отношения с Цин³⁴.

Важно также отметить, что не принесли результата и усилия Мин Ёньика заступить в должность корейского дипломатического посланника во Владивостоке — несмотря на то, что в конце XIX в. примерно половину жителей Приморского края составляли эмигранты [9. С. 68], вплоть до начала XX в. ни одному иностранному дипломатическому представителю не разрешалось проживать во Владивостоке [10. С. 292]. Можно предположить, что на фоне продолжающихся с 1860-х гг. корейско-российских

³¹ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_12409028_001 (дата обращения: 21.01.2025).

³² Чо Синхви (조신희 / 趙臣熙, 1851 — ?) был политиком и дипломатом в Чосон конца XIX в.

³³ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_12701016_001 (дата обращения: 21.01.2025).

³⁴ В феврале 1881 г. с подписанием так называемого Петербургского договора, разрешился территориальный спор между Китаем и Российской империей в отношении Илийского края. В январе 1887 года было достигнуто устное, джентльменское, соглашение, согласовавшее позиции китайского и российского правительств в отношении оккупации корейского острова Комундо силами Британского флота, что нормализовало отношения между двумя странами [4. фонд «Китайский стол», дело 491, 5, 1887, 168, Лист 10–10 об., 17 об. — 18].

обсуждений статуса корейских крестьян, эмигрировавших на Российский Дальний Восток³⁵, дипломатическое представительство Чосон в этом регионе было особенно нежелательно для российского правительства.

Вторая попытка создания дипломатического представительства Чосон в Европе во второй половине 1890-х гг.

В результате следующую попытку создать постоянное дипломатическое представительство в Европе Кочжон предпринял уже после Японо-китайской войны (1894–1895 гг.), освободившей Корейский полуостров от влияния Цинской империи, а также после обнародования текстов тайных русско-японских соглашений касательно Чосон [1. С. 274], охладившего отношения между двумя странами³⁶. Предпосылкой к этим действиям правителя стало обострение русско-японского соперничества на Корейском полуострове и общее разочарование в России и Японии как потенциальных стратегических партнерах.

В конце марта 1897 г. Мин Ёньхван³⁷, двоюродный брат Мин Ёньика, был назначен полномочным представителем государства Чосон на праздновании Бриллиантового юбилея английской королевы Виктории^{38, 39}. Выбор посланника, впрочем, как и места его назначения, был, конечно же, не случайным. В 1896 г. Мин Ёньхван вернулся из путешествия по Российской Империи, где в качестве официального посланника Чосон провел успешные, по мнению

³⁵ В то время, как российскому правительству корейские крестьяне на Дальнем Востоке были выгодны как производители сельскохозяйственной продукции, обеспечивающей, в т.ч. нужды российского военного контингента на этой территории, корейское правительство в целом стремилось к репатриации своих граждан. Это стремление, помимо прочего, прослеживается в контексте переговорного процесса с Японией в 1876 г. (корейская сторона на переговорах настаивала на репатриации корейских граждан, включая преступников), а так же в географии поездки корейского посланника на церемонию коронации российского императора Николая II в 1896 г., который по приказу Кочжона вернулся на Родину через Владивосток, чтобы там встретиться с корейскими мигрантами и оценить уровень их жизни и благополучия.

³⁶ Тексты меморандума Комуры-Вебера и Протокола Ямагата-Лобанова были опубликованы в японской газете в конце февраля 1897 г. 18 марта корейские сановники проинформировали представителей Японии и России в Сеуле, что Корея не принимает как меморандум Комуры-Вебера, так и протокол Ямагаты-Лобанова, поскольку они были заключены без ведома и согласия корейского монарха и правительства. В этот же период Вебер сообщал, что по Сеулу распространились антироссийские настроения [1. С. 139].

³⁷ Мин Ёньхван (민영환 / 閔泳煥, 1861–1905) был видным политиком и дипломатом в Чосон и Корейской империи конца XIX — начала XX вв. В качестве официального представителя Чосон он принимал участие в церемонии коронации Российского императора Николая II.

³⁸ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13403023_001 (дата обращения: 21.01.2025).

³⁹ Бриллиантовый юбилей королевы Виктории официально отмечался 22 июня 1897 г. по случаю 60-летия вступления ее на престол 20 июня 1837 г.

корейских сановников, переговоры⁴⁰, что сделало его идеальной кандидатурой для представления интересов государства Чосон в Лондоне. Кроме этого, на фоне разочарования в России после обнародования текстов тайных русско-японских соглашений в отношении Кореи, Англия оставалась последней западной державой, напрямую не вовлеченной в геополитическое соперничество на Корейском полуострове, чье присутствие в регионе Северо-Восточной Азии имело политический и экономический вес. Можно также предположить, что «увеличение дружбы и сотрудничества» [11. С. 188] с английским правительством ставило своей задачей продемонстрировать недовольство Кочжона тайными консультациями между Санкт-Петербургом и Токио.

Мин Ёньхван покинул Корейский полуостров 26 марта 1897 г. [13. С. 35–36]. По завершении дипломатической миссии в Лондоне, в рамках которой Мин должен был довести до сведения глобальной общественности стремление Кочжона провозгласить себя императором, а Чосон — Корейской империей, ему предписывалось отправиться в Санкт-Петербург, для того, чтобы заступить в должность полномочного дипломатического представителя Чосон в пяти европейских державах: Великобритании, Германии, России, Италии и Франции⁴¹. Однако, в конце июля 1897 г. пришло неожиданное известие о том, что Мин Ёньхван преждевременно покинул празднование юбилея британской королевы и сбежал в Соединенные Штаты, отказавшись занять свой пост дипломатического посланника в Европе^{42, 43}. Своевольные действия Мина поставили под угрозу дипломатические контакты государства Чосон с западными партнерами. Кочжону нужно было срочно искать замену.

Решение, очевидно, было непростым. 31 августа на пост постоянного дипломатического представителя государства Чосон в Европе вместо беглого Мин Ёньхвана был назначен Мин Ёньик⁴⁴. Официальная новость об этом вышла лишь 4 сентября⁴⁵. Можно предположить, что эти пять дней Кочжон потратил на попытку сгладить реакцию французского правительства: он беспокоился, что назначение Мин Ёньика посланником в Европу встретит

⁴⁰ Речь идет об участии Мин Ёньхвана в церемонии коронации императора Николая II и его переговорах с министром иностранных дел Российской Империи Лобановым-Ростовским, которые прошли в середине июля 1896 г. [12. С. 219–222].

⁴¹ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13403001_001 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴² 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13407030_002 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴³ Согласно свидетельствам современников, Мин Ёньхван чувствовал стыд и стеснение продолжить свою миссию и добиваться поддержки лидеров европейских стран желая Кочжона провозгласить Корейскую империю [13. С. 98].

⁴⁴ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13408031_001 (дата обращения: 21.01.2025).

⁴⁵ 국가서지 링크드 오픈 데이터 // 독립신문. URL: <http://lod.nl.go.kr/home/include/lodpopup.jsp?uri=http://lod.nl.go.kr/resource/CNTS-00098991092> (дата обращения: 21.01.2025).

сопротивление со стороны этого государства⁴⁶. Действительно, французский посланник в Сеуле выразил личное недовольство назначением, заявив, что кандидатура Мина не будет одобрена европейскими правительствами, однако, вместе с тем, запросил официальные инструкции министерства иностранных дел в Париже [14. С. 199].

Наиболее вероятной причиной возможного противодействия со стороны французского правительства, по мнению Кочжона, мог послужить инцидент с участием Мин Ёнъика и его секретаря Мин Санъхо⁴⁷, произошедший в Гонконге в конце 1880-х гг. Тогда Мин Санъхо подделал подпись Мин Ёнъика на депозитном билете гонконгского отделения французского банка Comptoir National d'Escompte, обналичил 15 тысяч долларов и сбежал в США⁴⁸. Когда подделка была раскрыта, банку пришлось компенсировать Мин Ёнъику вышеупомянутую сумму. И хотя в финансовом отношении дело было успешно решено (поскольку семья Мин в конечном итоге вернула деньги банку обратно), по-видимому, к 1897 г. французская сторона все еще считала Мин Ёнъика «виноватым» [13. С. 103].

Пока французский посланник в Сеуле ждал указаний своего правительства относительно назначения Мин Ёнъика, Кочжон, осознавая потенциальную проблематичность кандидатуры Мина, обратился за поддержкой к новому российскому посланнику Алексею Шпейеру⁴⁹, вероятно рассчитывая на влияние России во Франко-русском союзе⁵⁰. Заявив, что российское правительство не имеет возражений против кандидатуры Мин Ёнъика, Шпейер, тем не менее, пытаясь пресечь инициативу корейского правителя, указал на то, что отправка посланника в Европу сама по себе является «ненужной и обременительной для государственной казны»⁵¹. Однако предупреждения российского дипломата не возымели ожидаемого эффекта, и правительство Чосон продолжило подготовку к отправке делегации во главе с Мин Ёнъиком.

⁴⁶ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 493, 71, К4, д.3, Лист 2-3об.

⁴⁷ Мин Санъхо (민상호 / 閔商鎬, 1870–1933) был государственным деятелем и политиком Чосон и Корейской империи. В 1882 г. его отправили в США в качестве студента. Мин покинул США в 1888 г., но его первое назначение в правительство Чосон произошло только в 1891 г. Его местонахождение между 1888 и 1891 гг. неясно. Однако известно, что в какой-то момент этого периода он был секретарем Мин Ёнъика.

⁴⁸ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 493, 71, К4, д.3, Лист 2-3об.

⁴⁹ Алексей Николаевич Шпейер (1854–1916) был русским дипломатом. Проходил службу в Японии, с 1896 по 1897 г. исполнял обязанности поверенного в делах в Сеуле.

⁵⁰ Это партнерство было закреплено двумя письменными соглашениями: соглашением о двусторонних консультациях по всем политическим вопросам (подписано 21 августа 1891 г.) и военной конвенцией (подписано 17 августа 1892 г.) и длилось вплоть до 1917 г.

⁵¹ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 493, 71, К4, д.3, Лист 2-3об.

К концу сентября 1897 г. поступило официальное заявление французского правительства в отношении назначения нового посланника Чосон в Европе. Как и предполагалось, Министерство иностранных дел Франции выразило «нежелание» принимать Мин Ёньика в качестве дипломатического посланника Чосон⁵². Официальная реакция Парижа дала Шпейеру возможность усилить давление на Кочжона. Российский посланник отметил, возможно, намекая на Российскую империю, что «некоторые другие страны могут последовать примеру Франции», и предложил отложить отправку делегации Мина до тех пор, пока не будут получены все реакции от европейских правительств⁵³. Хотя этот совет казался разумным, время играло не на стороне Кочжона. Накануне принятия титула императора⁵⁴ он опасался, что проволочка в отправке посланников в Европу может стать препятствием для провозглашения Корейской империи⁵⁵. Поэтому в ответ на рекомендацию Шпейера министр иностранных дел Чосон выразил свое «удивление по поводу отказа французского правительства принять одного из самых почетных и благородных граждан [Чосон]... только из-за необоснованных обвинений в его адрес», корейский чиновник также предупредил, что «такой подход французского правительства неизбежно вызовет сильное недовольство во всех странах, поскольку оно уже вызвало недовольство правителя»⁵⁶. Несмотря на это, попытка давления на решение французского правительства через российского посланника в Сеуле успеха не имела — Франция продолжала упорствовать в своем нежелании одобрить кандидатуру Мин Ёньика. Кочжону, который опасался, что излишняя настойчивость в этом вопросе может еще больше рассорить Чосон с его европейскими партнерами, не оставалось ничего другого, кроме как отозвать кандидатуру Мина.

Безусловным фактором влияния на события лета-осени 1897 г. являлась глобальная и региональная расстановка сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия российского правительства по саботированию создания дипломатического представительства Чосон в Европе можно трактовать как ответ на охлаждение российско-корейских отношений в начале 1897 г. и попытки

⁵² Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

⁵³ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

⁵⁴ Кочжон провозгласил себя императором 13 октября 1897 г.

⁵⁵ В разговоре со Шпейером министр иностранных дел Чосон Мин Чонъмук сообщил, что «правитель вряд ли согласится на дальнейшую задержку отправки посланника, поскольку во избежание каких-либо осложнений и недоразумений верительные грамоты Мин Ёньика были намеренно подписаны Его Величеством накануне принятия императорского титула и король не хотел бы их менять». Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», 493, 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

⁵⁶ Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), Фонд «Японский стол», Дело 71, К4, д.3, Лист 4-5об.

Кочжона искать сближения с другими европейскими державами, проявлявшими интерес к Корейскому полуострову. И если на полуофициальные действия правителя Чосон, такие, например, как попытки получить кредиты в Германии или Франции, Российская сторона реагировала указанием на существующие русско-корейские договоренности⁵⁷, то инициатива Кочжона по созданию дипломатического представительства своей страны в Европе и налаживанию активных связей с другими европейскими державами была широко анонсированным дипломатическим шагом, призванным снизить важность Российской империи как международного дипломатического посредника для Кореи, на который у российского правительства не было прямого рычага давления.

Следует отметить, что прямых доказательств того, что именно российское правительство повлияло на отказ Франции одобрить кандидатуру Мин Ёньика в качестве корейского дипломатического представителя в Европе, нет. Тем не менее, описанная ниже противоречивая позиция французского правительства по отношению Мин Ёньику и Мин Санъхо, проанализированная на фоне франко-русского союза, позволяет предположить если не решающую, то важную роль Российской империи в событиях осени 1897 г.

Как изложено выше, возражения французского правительства против кандидатуры Мин Ёньика основывались на инциденте с Comptoir National d'Escompte, в который был вовлечен как сам Мин Ёньик, так и Мин Санъхо. Однако показательно, что, не одобрив кандидатуру Мин Ёньика на пост дипломатического представителя государства Чосон в Европе, французская сторона не высказала возражений в отношении Мин Санъхо, который также входил в состав корейского дипломатического корпуса в Европе. Ещё 5 февраля 1897 г. этот молодой чиновник указом правителя был включен в состав делегации Мин Ёньхвана в качестве первого секретаря будущего дипломатического представительства Чосон в Санкт-Петербурге⁵⁸. Даже после того, как Мин Ёньик сменил Мин Ёньхвана на перспективном посту полномочного посланника, позиция Мин Санъхо в будущем корейском посольстве осталась неизменной. При этом длительная аффилиация Мин Санъхо с проектом по созданию постоянного дипломатического представительства Чосон в Европе на ни одном из его этапов не вызвала никаких неодобрений или протестов со стороны французского правительства. Более того, письменные свидетельства того времени показывают, что Мин Санъхо, благодаря его предыдущему сотрудничеству с Comptoir National d'Escompte, был частым и желательным гостем во французской

⁵⁷ Например, российская сторона использовала соглашения, достигнутые Мин Ёньхваном в 1896 г., чтобы противодействовать попыткам Кочжона получить кредит в британском банке и его аналогичным запросам к правительствам Германии и Франции.

⁵⁸ 조선왕조실록 // 고종실록. URL: https://sillok.history.go.kr/id/kza_13402005_001 (дата обращения: 21.01.2025).

дипломатической миссии в Сеуле [15. С. 248]. Вышеизложенное позволяет предположить, что причастность Мин Ёньика к инциденту с поддельной подписью была искусственным образом использована для обоснования отказа французского правительства принять корейского дипломатического посланника в Европе.

В свете франко-русского стратегического партнерства, определившего союзнические действия двух стран в области дипломатии, можно далее предположить, что протесты французского правительства против кандидатуры Мин Ёньика были намеренно инициированы и использованы российским правительством для того, чтобы убедить Кочжона вовсе не отправлять посланника в Европу.

Судя по всему, Кочжон вовремя уловил эти настроения, поскольку назначения другого сановника после отставки Мин Ёньика не последовало. Вместо этого идея создания постоянного дипломатического представительства Корейской империи в Европе была отложена до середины мая 1899 г., когда на фоне эскалации русско-японского соперничества на Корейском полуострове Кочжон вновь сделал ставку на российское правительство, назначив Ли Бомчжина на должность одного из двух постоянных дипломатических представителей Корейской империи в Европе⁵⁹.

Заключение

Попытки корейского правительства создать свое дипломатическое представительство в Европе, реализованные в 1880–1890-х гг., вызваны сложными геополитическими процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в рамках которых государство Чосон (Корейская империя) стремилось отстоять свою субъектность в международных отношениях.

Ключевая роль в этой инициативе Кочжона отводилась Российской империи — единственному западному государству, чьи геополитические интересы в Северо-Восточной Азии оправдывались не колониальными, а полноправными территориальными владениями. Эта ставка корейского монарха на российское правительство, в свою очередь, поставила успех создания постоянного дипломатического представительства Чосон в Европе в зависимость от российских внешнеполитических приоритетов. К сожалению, сложность российских глобальных и региональных контактов на Дальнем Востоке в конечном итоге обусловила провал двух инициатив Кочжона по отправке полномочного посланника в страны Европы во второй половине 1880-х — 1890-х гг.

⁵⁹ 22 мая 1899 г. был назначен не один, а два посланника Корейской империи в Европе. Один должен был представлять интересы страны в Англии, Германии и Италии, другой — служить в России, Франции и Австрии.

Список литературы

1. Пак Б.Д. Россия и Корея. М. : Наука, 1979.
2. Хан Чх. Отправка и дипломатическая деятельность посланников Чосон в Японии в период Просвещения (1887–1894) // Хангукмунхва. 2010. № 27. Р. 285–324. (На кор.)
3. Korean-American relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States. Volume 1. The Initial period, 1883–1886 / edited by G. Mc. McCune, J.A. Harrison. University of California Press, 1951.
4. Swartout R.R.Jr. Mandarins, Gunboats and Power Politics: Owen Nickerson Denny and the International Rivalries in Korea. University of Hawaii, 1980.
5. Международные отношения и дипломатическая история Кореи: период нового времени // Тонъбука ёкса чедан. 2018. (На кор.)
6. Index to the executive documents of the House of Representatives for the second session of the fiftieth Congress, 1888–’90. Vol. 1. Part 1 1888/89. Washington: Government printing office, 1889.
7. Ким В. Дневники Аллена. Сеул : изд-во университета Тангук, 1994. (На кор.)
8. Немецкие дипломатические документы: Корея 1874~1910. Научно-исследовательский институт немецкоязычной культуры университета Корё, 2020. (На кор.)
9. Нестерова Е.И. Этническое предпринимательство во Владивостоке (конец XIX — начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. религиоведение». 2014. Т. 10. С. 63–81. EDN: TAWWVF
10. Воронов И.А. К истории возникновения консульских представительств иностранных государств в восточной Сибири в начале XX века // Вестник ИрГТУ. 2011. № 10 (57). С. 291–296. EDN: OIOEDV
11. Finch M. Min Yōnghwan, the selected writings of a Late Chosōn Diplomat. University of California press, 2008.
12. Yun C.H. Yun Chi-ho’s diary. Vol. 4. 1895–1896. Seoul: National History Compilation Committee, 1975.
13. Yun C.H. Yun Chi-ho’s diary. Vol. 5. 1897–1902. Seoul: National History Compilation Committee, 1975.
14. Чхве С., Ю С., Чха Г. Дневники Мутеля. 1896~1901. Сеул: Корейский научно-исследовательский институт истории церкви, 1993. (на кор.)
15. Чхве С., Ю С., Чха Г. Дневники Мутеля. 1890~1895. Сеул: Корейский научно-исследовательский институт истории церкви, 1986. (на кор.)

References

1. Pak B. *Russia and Korea*. Moscow: Nauka publ.; 1979. (In Russ.).
2. Han Ch’ōrho. Dispatch of Chosōn ambassadors to Japan and their diplomatic activities during the Enlightenment Period (1887–1894). *Han’gungmunhwa*. 2010;(27):285–324. (In Kor.).
3. McCune GMc, Harrison JA, eds. *Korean-American relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States*. Volume 1. The Initial period, 1883–1886. University of California Press; 1951.
4. Swartout RRJr. *Mandarins, Gunboats and Power Politics: Owen Nickerson Denny and the International Rivalries in Korea*. University of Hawaii; 1980.
5. *Korea’s Foreign Relations and Diplomatic History: Modern Era*. Tongbuga Yōksa Chaedan; 2018. (In Kor.).
6. *Index to the executive documents of the House of Representatives for the second session of the fiftieth Congress*. 1888–90, Vol. 1. Part 1. 1888/89. Washington: Government printing office; 1889.
7. Kim W. *Allen’s diary*. Seoul: Dankook University Press; 1994. (In Kor.)

8. *German Diplomatic Documents: Korea 1874–1910*. Korea University German Language and Culture Research Institute; 2020. (In Kor.).
9. Nesterova E. Ethnic entrepreneurship in Vladivostok (late 19th — early 20th century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”*. 2014;(10):63–81. EDN: TAWWVF (In Russ.).
10. Voronov I. On the history of the emergence of consular missions of foreign states in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century. *Vestnik IrGTU*. 2011;10(57):291–296. EDN: OIOEDV (In Russ.).
11. Finch M. *Min Yŏnghwan, the selected writings of a Late Chosŏn Diplomat*. University of California press: 2008.
12. Yun CH. *Yun Chi-ho’s diary*. Vol. 4. 1895–1896. Seoul: National History Compilation Committee; 1975.
13. Yun CH. *Yun Chi-ho’s diary*. Vol. 5. 1897–1902. Seoul: National History Compilation Committee; 1975.
14. Ch’oe S, Yu S, Ch’a G. *Mutel’s diary. 1896–1901*. Seoul: Korean Church History Research Institute; 1993. (In Kor.).
15. Ch’oe S, Yu S, Ch’a G. *Mutel’s diary. 1890–1895*. Seoul: Korean Church History Research Institute; 1986. (In Kor.)

Информация об авторе:

Гришина Дарья Евгеньевна — Ph.D. (Korean history), доцент Школы востоковедения, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; старший преподаватель, Восточный факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация, 119049, Москва, Мароновский пер., д. 26, e-mail: degrishina@hse.ru ORCID: 0000-0002-9418-4677.

Information about the author:

Daria E. Grishina — Ph.D. (Korean history), associate professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, 17 Malaya Ordynka St., Moscow, 119017, Russian Federation; senior lecturer at Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy pereulok, Moscow, 119049, Russian Federation, e-mail: degrishina@hse.ru ORCID: 0000-0002-9418-4677.